

Толпа сицзянцев сперва притихла, а затем разразилась неистовым ревом — то ли от дикого восторга, то ли от неодолимого ужаса. Дун Чунь, не обращая внимания ни на истошные крики осужденного, ни на вопли зевак, изящно крутанул тонкий нож между пальцами правой руки и сделал резкий выпад. Вторым ударом он срезал левый сосок преступника и небрежно бросил его под ноги. Это называлось «Благодарностью Земле». Принеся таким образом жертву небу и земле, он нанес третий удар, аккуратно срезав вдоль старого надреза тонкий, похожий на рыбью чешую лоскут плоти, и так же подбросил его в воздух — кусочек упал прямо на длинный стол. Третий надрез именовался «Благодарностью Духам и Богам».

Под ошеломленными взглядами толпы клинок Дун Чуня заплескался, изливаясь потоками искрящегося света. Нож летал стремительно и неуловимо, но неизменно возвращался к груди осужденного, методично терзая то левую, то правую сторону. Под мерный отсчет начальника стражи сицзянцев тонкие чешуйки плоти взлетали одна за другой, опадая на жертвенный стол ровными рядами, словно лепестки цветов под порывом легкого ветра. Каждое движение палача — уверенное, торопливое, но лишенное суеты — завораживало. Он орудовал клинком с ловкостью легендарного повара Дина: где бы ни касались пальцы, куда бы ни упиралось колено, лезвие входило в плоть с едва слышным, свистящим хрустом, попадая точно в ритм невидимой музыки. Это было истинное, пугающее искусство, доведенное до абсолютного совершенства.

Преступник, несмотря на свое дюжее сложение, от невыносимой муки уже лишился сил кричать. Он лишь бессильно запрокинул голову, глядя в равнодушное небо. Несколько ушатов ледяной воды, которыми его окатили перед казнью, и сокрушительный удар ладонью от Дун Гэ заставили его сосуды сжаться. К тому же Дун Чунь работал настолько молниеносно и чисто, что крови почти не было. Когда положенные пятьсот надрезов на груди подошли к концу, перед зрителями обнажились белеющие ребра, обтянутые лишь тончайшей плевой плоти. Те, кто обладал острым зрением, с содроганием разглядели, как под этой красно-белой пленкой глухо и надрывно бьется живое сердце. От этого зрелища кровь стыла в жилах.

Даже свирепые сицзянцы притихли. На огромной площади воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь редкими, хриплыми стонами казненного — слабыми, точно обрывки паутины на ветру.

Внезапно Дун Чунь отпрянул, пряча оружие, и повернулся к Лин Шу:

— Господин, первые пятьсот ударов нанесены.

Лин Шу, не отводя взгляда, одобрительно кивнул. Дун Чунь почтительно поклонился и отступил в сторону, чтобы перевести дух, уступая место брату. Теперь за нож взялся Дун Гэ, готовый продолжить казнь.

Цзинь Яжэнь, тоже замороженный кровавым зрелищем, искренне восхитился:

— Сегодня я узрел нечто поистине невероятное. Мое почтение! Позвольте спросить, господин Лин, какую часть тела коснутся следующие надрезы?

— Далее... — Лин Шу произнес это ровным, безразличным тоном. — Очередь того, с чем ни один мужчина не расстанется по доброй воле. На это уйдет три удара.

Едва он договорил, Дун Гэ взмахнул лезвием. Ровно за три удара он подчистую лишил преступника мужского достоинства. Несчастный тут же лишился чувств от болевого шока, но Дун Чунь хладнокровно окатил его ледяной водой из ковша, возвращая в сознание. Для воина-сицзянца не было участи страшнее: любой из них предпочел бы сложить голову на плахе или лишиться рук и ног, нежели подвергнуться такому надругательству, растоптавшему остатки мужской гордости и силы.

Цзинь Яжэнь восторженно захлопал в ладоши:

— Великолепно! И почему в Сицзя никто не додумался до столь изысканной кары? Невероятное, отрезвляющее зрелище. Стоит черни поглядеть на такое разок-другой, и, уверяю вас, в Юньчжуне переведутся всякие смутьяны!

Повернувшись к собеседнику, он полюбопытствовал:

— Но все же, господин Лин, за какие проступки в вашей великой империи Да Янь приговаривают к столь лютой казни?

— Первое — это государственная измена и заговор против государя, — негромко перечислил Лин Шу. — Второе — попрание законов сыновней почтительности и морали. И третье — крайняя, бесчеловечная жестокость.

Они говорили вполголоса, но притихшая толпа ловила каждый шорох, и потому холодные, размеренные слова Лин Шу разнеслись далеко по площади. Затерявшийся среди зевак Ян Е невольно содрогнулся.

«В глазах этой ледышки я уж точно заслужил клеймо бунтовщика по первой статье»

«Но разве сам этот мерзавец Лин Шу не подпадает под третью статью с его живодерскими замашками?»

«Уж если и идти под нож, то только вместе!»

Цзинь Яжэнь, горя желанием докопаться до всех тонкостей кары, предупредительно уточнил:

— А дальше? Верно ли, что здесь предписан строгий порядок?

Лин Шу терпеливо, точно наставник нерадивому ученику, разъяснил:

— Триста ударов на левую ногу, триста — на правую. Затем по триста на левое и правое предплечья. Двести ударов придутся на живот, пятьсот — на спину. По триста надрезов на ягодицы с каждой стороны. Оставшиеся триста пятьдесят четыре удара примут на себя ладони, стопы, лицо и шея.

Лин Шу взглянул на небо — солнце почти взошло в зенит. Заметив, что Дун Гэ как раз перешел к рукам казненного, и брат сменил его у столба, судья продолжил:

— Братья Дун — непревзойденные мастера скоростной резни. Обычный палач растягивает три тысячи триста пятьдесят семь ударов на два дня. Им приходится тщательно выбирать места, где сосуды не столь крупные, чтобы несчастный дотянул до следующего рассвета. Эти же двое управятся сегодня до полуночи, так что подобные предосторожности им ни к чему.

Цзинь Яжэнь согласно закивал, расплываясь в улыбке:

— Поразительно. Мое почтение вам, господин Лин, и вашим преданным мастерам. Позвольте сегодня вечером выразить вам свою признательность за ужином. Надеюсь, вы окажете мне честь и не станете отказываться?

Лин Шу не успел и рта открыть, как Цзин Хуайюй поспешно перехватил инициативу:

— От такого лестного приглашения мы отказаться не в силах. Премного благодарны, ваше высочество.

Когда солнце коснулось вершин западных гор, распятый у столба преступник уже мало походил на человека. Однако братья Дун, верные своему профессиональному долгу, неумолимо продвигались к финалу. Кое-кто из зевак, не выдержав жуткого зрелища, поспешил убраться восвояси.

<http://bllate.org/book/19546/1998803>